

УДК 7.01

В СЛОВАХ И ЗВУКАХ - ГАРМОНИЯ И ВЕЧНОСТЬ МИРОЗДАНИЯ

канд. искусствоведения Л.Н. СИДОРОВИЧ (Полоцкий государственный университет)

Рассмотрены специфические отличия музыки от речи. Показано, что музыкальность поэзии и певучесть слова являются сущностью звуковой гармонии и отражают различные стороны человеческого бытия.

«...Средством первичной и наиболее прямой коммуникации, - по мнению В.М. Апрелевой, - были не знаки на камне и не слова устной речи, а звук... Звук является тем общим корнем, из которого произрастали и музыка, и язык. Издревле и доныне она кристаллизует свои звуковые средства из звучаний живой речи, несловесных голосовых сигналов, смысловых интонаций в тональных языках» [1, с. 158 - 159]. Информация, которую мы получаем из культуры прошлого, из мифологии и философии Древнего Востока, подкрепляет это её предположение. В качестве примера автор приводит ведическое учение о звуке, порождающем буквы, слоги, слова. Именно звук и играет определяющую роль в повседневной жизни людей. Сходных воззрений придерживались тибетские буддисты, софисты, древние египтяне и китайцы [1, с. 158].

Поэзия и музыка...

Немало чутких и проникновенных слов сказано об их глубокой связи. Нередко простые и незамысловатые поэтические строки порождают гениальные музыкальные творения, которые живут впоследствии в веках, ведь часто переживаемые человеком чувства, выливаясь в строки стихов, находят свое тончайшее преломление в звуках.

Но иногда происходит и обратное, порой фантастическое, превращение - стихи становятся музыкой. Они оживают, звучат, поют. Возможно, как раз об этом стихотворение Е. Ростопчиной «Слова и звуки»:

Слова и звуки... Звуки и слова

.....

...Блаженства, радость, муки,

Любовь, вражду - все

облекаем в них.

.....

В словах и звуках вечный ключ сердец! [2, с. 42]

Проблеме взаимоотношений музыки и слова уделяли внимание на разных этапах исторического развития философы и искусствоведы, литераторы и музыканты.

Так, Жан-Жак Руссо - французский писатель и философ эпохи Просвещения, внёсший огромный вклад в развитие общественной мысли и культуры многих стран, подчёркивал в «интонациях мелодии, сопряжённых с интонацией речи, могучую и тайную связь страстей и звуков» [2, с. 426]. Другой просветитель и энциклопедист Д'Аламбер высказался по этому поводу ещё конкретнее и точнее, назвав музыку «видом речи или даже языка, посредством которого выражаются различные чувства души» [3, с. 445].

Музыку сравнивали со словом и называли особым языком и в XX веке. Так, Антон Веберн, австрийский композитор и дирижёр, один из представителей Новой венской школы, утверждал, что музыка есть язык. Человек хочет на этом языке выразить представления, но не такие, которые могут быть переданы понятиями (как, например, в науке), а представления музыкальные.

Но, на наш взгляд, наиболее интересное замечание о взаимодействии музыки и слова сделал в одном своём письме немецкий композитор-романтик, известный музыкально-общественный деятель XIX в. Феликс Мендельсон-Бартольди. Он утверждал, что «музыка обладает большей определённой, чем речь, и стремление передать её смысл при помощи слов делают его неясным...» [4].

Итак, звук порождает музыку и слово. Но что есть музыка? В чём специфика её взаимодействия со словом?

Музыка есть временной вид искусства, отражающий окружающую жизнь в звуках и художественных образах. Звук же - наименьший структурный элемент музыкальной речи. Звуки порождают носительницу музыкального содержания - интонацию. Интонация становится основой музыкальной мысли в целом (вспомним знаменитую тему I части симфонии g-moll Моцарта, интонации которой появились уже двумя годами раньше в написанной им же арии Керубино из оперы «Свадьба Фигаро». Или не менее известный мотив судьбы из 5-й симфонии Бетховена, пронизывающий всю ткань музыкального произведения).

Специфическое отличие музыки от речи заключается в том, что смысловая нагрузка в музыке приходится на интонацию, в то время как в речи она лежит на слове, а интонация играет хоть и важную, но всё же вспомогательную роль. Музыка, в отличие от речи, считает М.В. Апрелева, менее структурирована. «... Музыкальный язык лишён структурной расчленённости словесного языка, - не существует ни «музыкальной лексики», ни «музыкального словаря». Музыкальному языку родственен хореографический, также выражающий континуальное, непрерывное течение человеческих чувств, - только другой его уровень, нежели тот, что выражает музыка. Язык танца способен передавать пластически воплощаемые переживания, а музыкальный язык - эмоциональные процессы, невыразимые жестом и мимикой», - утверждает В.М. Апрелева [1, с. 166]. Что касается музыкального языка и его структурированности, то тут мы соглашаемся с автором цитаты лишь в определённой степени. Ведь в музыкальном сочинении выявляются его конструктивные элементы, грани его формы. Так, наименьшей единицей в музыке, как и в речи, является звук. Звуки порождают интонации - первые смысловые ячейки музыкального опуса. Далее в конструктивном плане выстраивается следующая цепочка: интонация - мотив - фраза - предложение- период. Период же становится наименьшей формой гомофонии, в котором выражается относительно законченная музыкальная мысль. Период в музыке сродни предложению в речи.

Что же касается степени структурированности музыкального и словесного языков, то тут мы выражаем полную солидарность с автором: несомненно, что той расчленённости, которая присутствует в словесном языке, нет в музыкальном. И, быть может, именно это свойство способствует активности и силе воздействия её на чувства и души людей. Ромен Роллан считал, что музыка является наиболее глубоким выражением души, гармоничным отзвуком её радостей и скорбей.

Музыка, в отличие от других видов искусства не воспроизводит видимых картин мира (как изобразительное искусство) и лишена смысловой конкретности (например, литературы). Но, как и литература, она служит средством коммуникации людей, являясь языком их общения. Коммуникация же в музыке и литературе выражается в разных формах игры: игры поэта со словами, игры композитора с нотами, игры (интерпретации) музыканта-исполнителя.

Музыка и речь: каждая из этих автономных сфер образует самостоятельную систему; каждая могущественна в своей области и демонстрирует особое отношение к реальности. Выражения «язык музыки» и «музыка языка» в равной мере уместны и лимитированы...

Язык предполагает преимущественную установку: 1) на аналитическую рациональность, 2) на логику статичных понятийных различий и 3) вневременные описания феноменов в некий избранный момент их существования.

Музыка же опирается на синкретическую всеобъемлющую чувственность, концентрирует восприятие на качественной полноте звукового феномена в его временном развёртывании», — считает В.М. Апрелева [1, с. 162 - 163].

Быть может, именно эти отличия музыки и слова и привели к их гармонической связи и единству в мире? Ведь, развиваясь каждая по собственным законам, слово и музыка замечательным образом дополняют друг друга, создают нерушимый союз, приводящий к высшей *гармонии чувств*. В результате этого счастливого союза музыки и слова возникли оперы и оперетты, оратории и кантаты, хоры и песни, баллады и романсы.

Известный польский оперный режиссер, педагог и театровед Б. Горович в своей работе «Оперный театр», посвящённой истории возникновения и развития оперного театра, проследивает взаимодействие музыки и слова в музыкально-драматическом произведении. Он пишет: «Выразительные возможности музыки ещё более расширяются в музыкальной драме благодаря участию слова. Взаимопроникновение музыки и слова конкретизируют экспрессию. Слово составляет как бы форму чувства, которую музыка наполняет содержанием, драматизируя и интенсифицируя чувство. В определённых случаях слово обозначает либо осознанное, либо внушаемое чувство, тогда как музыка выражает подсознательное или истинное, но скрываемое чувство» [5, с. 13]. Далее он приводит классический пример, который показал Кристоф Виллибальд Глюк в своей опере «Ифигения в Тавриде», написанной в 1779 г. В опере Орест поёт текст: «Покой возвращается в моё сердце». Однако в то же время *agitato* альты раскрывают лицемерность Ореста, лживость его слов, живописуя слушателю картину тяжких душевных переживаний и мучений, которые испытывает грешный человек - убийца своей матери.

Взаимоотношение музыки и слова в разных жанрах подвергалось изменениям на протяжении истории. Каждая эпоха и любой автор придавали иной вес одной из этих двух составляющих. Однако нередко стремление творцов к совершенству, к образности слова приводили к гармоническому равновесию двух начал и порождали музыкальность слов и поэтичность музыки. Как, например, наполнено музыкальностью любое поэтическое слово А.С. Пушкина:

*Слыхали ль вы за рощей глас ночной
Певца любви, певца своей печали?
Когда поля в час утренний молчали,
Свирели звук унылый и простой
Слыхали ль вы, слышали ль вы?*

К этому поэтическому тексту А. Алябьев написал музыку. Так появился известный романс «Певец».

Благодаря гармонии слова и музыки возник другой шедевр - известнейший романс Михаила Глинки «Я помню чудное мгновенье». Вдохновленный любовью к Анне Керн, А.С. Пушкин создал бессмертные стихи, а глубокая симпатия М.И. Глинки к старшей дочери Анны Петровны Екатерине помогла запеть стихам поэта, «высвободив» спрятанную в них мелодию пламенного восторга перед гением чистой красоты. С тех пор гимн любви живет в памяти всех тех, кто любит музыку и поэзию, наполняя их ярким светом гения музыканта и поэта.

Современник А.С. Пушкина, «поэт мысли» Е.А. Баратынский стал автором многих стихов, привлечших в своё время внимание композиторов. На стихи Е.А. Баратынского написаны элегия М.И. Глинки «Не искушай меня без нужды», романсы, вокальные дуэты и хоры А.Т. Гречанинова, С.М. Ляпунова, Ц. Кюи и др.

А о музыкальности стихов Сергея Есенина слагаются легенды. Один из его современников писал: «Стихи Есенина музыкальны и красочны, они взяты прямо из пашни, от нивы, от сенокоса, в них - жизнь деревни с её буднями и праздниками» [6, с. 9]. Да и сам поэт о себе сказал: «... родился я песнями в травном одеяле, зори меня вешние в радугу свивали» («Матушка в купальницу по лесу ходила...»). Говоря о музыкальной стихии поэзии Сергея Есенина, его называли «Златозвучным песнопевцем на Руси». Поэт стал самым близким по духу композитору Георгию Свиридову, который около 50-ти своих сочинений создал на основе творчества Сергея Есенина. Стихи поэта всегда «поют», слово его певуче. Внутренняя сущность его поэзии - музыка.

А сколь гармонична связь слова и музыки в произведениях более раннего периода, например, в псалмах «Рифмоторной псалтири» Симеона Полоцкого на музыку Василия Титова! Глубина и проникновенность, мудрость и весомость каждого слова псалмов Симеона Полоцкого нашли органичное отражение в музыкальном воплощении образов Ветхого Завета. И Псалтирь засияла новыми красками, выражая тончайшие нюансы человеческих чувств и переживаний. Слово запело, покоря слушателей красотой и духовностью содержания, облагораживая души и мысли вечностью идей и образов.

Музыкальность поэзии, певучесть слова стали сущностью звуковой гармонии, которая наполняет мир, делая его добрее и прекраснее. Слово и музыка, являясь результатом духовной деятельности человека, отражают лишь разные стороны одного целого, имя которому - человеческое бытие.

ЛИТЕРАТУРА

1. Апрелева В.М. Музыка как эстетическая реальность. Теоретические проблемы. - Челябинск: ЮУрГУ, 1999.-327 с.
2. Курцман А. Вечный ключ сердец // Музыка и ты. - М.: Советский композитор, 1989. - Вып. 8. - С. 42.
3. Музыкальная эстетика Западной Европы XVII - XVIII веков. - М., 1976. - 426 с.
4. Ribot Th., Essayson the Creative Imagination, Chapter II.
5. Горювич Б. Оперный театр: Пер. с польск. М. Малькова. - Л.: Музыка, 1984. - 224 с.
6. Розенфельд Б. Сергей Есенин и музыка: Справочник. - М.: Советский композитор, 1988. - 88 с.